DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.061
УДК 94(37)“395/476” + 316.323.62 +
+ 316.462

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЗДНЕРИМСКАЯ МОНАРХИЯ В РАЗВИТИИ

Рец. на кн.: Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / ed. J. Wienand. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2015. — xix + 530 p. (Oxford Studies in Late Antiquity)

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную стороны сборника статей преимущественно американских и немецких антиковедов, анализирующих особенности формы и функционирования политического режима Римской империи IV в. Указана актуальность избираемой исследователями тематики в рамках заявленной сборником проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся взаимоотношений императорской власти эпохи домината с социальными, имущественными и политическими группами, интересы которых приходилось постоянно принимать в расчет. Особое внимание обращено на статьи сборника, по новому раскрывающие религиозно-политические аспекты функционирования монархии IV в. как открытой формы военной диктатуры, прагматично использовавшей для стабилизации общества как инструментарий язычества, так и христианство.

Ключевые слова: поздняя античность; императорская власть; режим домината.

«Оспариваемая монархия» — сборник из 20 статей, базирующихся главным образом на соответствующих докладах, прочитанных на конференции в Констанце в июле 2012 г. и пытающихся осмыслить отличительные формы, принимаемые римской монархией IV в. Авторы — известные западные специалисты по истории поздней античности вообще и государственности эпохи домината в частности. Составитель и редактор книги, *Йоханнес Винанд*, академический советник Института исторических наук Университета Генриха Гейне (Дюссельдорф), справедливо исходит из того историографического факта, что с 70-х гг. XX в. исследователи поздней античности делали акцент на истории социальной, культурной и религиозной. Политическая, административная и институциональная история поздней Римской империи привлекала меньше внимания, — тем более что долгое время политико-институциональный режим данного периода вообще считался не вызывающим особых вопросов, — в отличие, например, от характеристик режима принципата. Анализ позднеантичной императорской власти, в частности, не был включен в исследовательскую программу «Transformation of the Roman World» («Преобразование Римского мира»), профинансированную в 90-е гг. XX в. Европейским научным фондом. И хотя существуют прекрасные,

выполненные с помощью самых современных методик, исследования правлений отдельных позднеантичных владык, комплексного разбора режима домината пока еще нет. Но научный интерес к отдельным аспектам этой темы, как показывает историография, в последние годы явно возрастает, — и рецензируемый сборник наглядно иллюстрирует такую тенденцию.

Однако у данной книги есть особенность: это произведение или, лучше сказать, совместная акция группы ученых из числа тех, кто в последнее время предпочитает называть себя сторонниками преодоления «методологических и эвристических границ», преодоления, которое «способствует синергетике дополняющих друг друга подходов к анализу римской монархии» (р. VIII–IX). И в центре внимания авторов — не все институты и функции монархической власти в относительно стабильный для нее IV в., а «усилия императоров», направленные «на политическую и культурную интеграцию в пределах коммуникативной структуры, характеризующейся взаимодействием имперской администрации, достижений монархического лидерства и религиозной политики» (р. VIII). Поэтому статьи сборника распределены по трем разделам: «1. Имперская администрация»; «2. Результативность монархии»; «3. Баланс религиозных перемен».

Поскольку речь идет о монархии, авторы этих статей справедливо исходят из того, что никакой император не мог править один — его власть и легитимность были сконструированы и оговорены в дискурсе с теми, кем он управлял. Во «Введении» И. Винанд прямо заявляет, что императорская власть преобразовывалась в легитимное правление (в социологическом смысле) только на основе *societal consensus* («общественного соглашения»). Поэтому даже позднеримским императорам приходилось постоянно быть в контакте с обществом и разными способами вести переговоры о своих полномочиях, идеологии и публичном имидже, — дабы обеспечить себе поддержку среди множества социальных групп, а именно — при дворе, у аристократов-богачей, в военном и гражданском аппарате, в церкви, среди заинтересованных групп провинциалов, у городской верхушки, у городской толпы и т. д. Иначе говоря, управление империей даже при доминате не находилось в состоянии застоя, не было «пассивным» (как еще сравнительно недавно полагали многие — вслед за Ф. Миллером [Millar]), а пребывало в динамике.

Поскольку в ограниченной по объему рецензии невозможно дать анализ всех статей и положений сборника, я сосредоточусь лишь на тех из них, которые посчитал наиболее интересными по методике и потому стимулирующими дальнейший поиск. Начну с того, что книга завершается эпилогом-статьей того же И. Винанда, посвященного анализу символической значимости изображений на золотом медальоне, отчеканенном императором Констанцием II в Антиохии в 346 г. (р. 423–451). Фото медальона эффектно украшает обложку сборника. По мысли автора эпилога, изображения, помещенные на аверсе и реверсе медальона (бюст императора в диадеме и воинском одеянии; император, одетый в *tunica palmata* и *toga picta*, в диадеме и управляющий квадригой), их

церемониальное наполнение, контекст и военно-политические обстоятельства чеканки отражают квинтэссенцию идей, анализируемых в книге. Что касается ее названия, то оно опять-таки рассчитано на эффект, ибо восходит к анекдотическому высказыванию короля Теодориха Великого по поводу короны — это, дескать, головной убор, пропускающий капли дождя. Винанд возражает Теодориху: это был все-таки головной убор, за обладание которым весьма и весьма боролись (р. 451).

Работы, содержащиеся в первом разделе книги, охватывают довольно пестрый спектр управленческих проблем империи IV в. — от отслеживания изменения отношений между императорами и сенаторами (*Д. Вайсвайлер*), инфляции сословно-служебных разрядов (*Д. Н. Диллон*) и долговременных моделей интеграции провинциальной знати в имперскую администрацию и императорский двор (*М. Куликовский*) до презентации Галлии как пространства, решающего для управления западными областями империи (*И. Зидат*).

Думаю, особо следует обратить внимание на анализ *Себастьяном Шмидт-Хофнером* законодательства Валентиниана I и Валента периода 364–365 гг. Как известно, оба императора-соправителя издали в столь короткое время много новых законов и переиздали ряд эдиктов своих предшественников, адресованных представителям разных социальных групп (р. 67–99). Шмидт-Хофнер убедительно доказывает, что данная совокупность законодательных текстов служила средством для поддержания старта в правлении двух выходцев из паннонской среды и имела явную коммуникативную функцию — обеспечить лояльность к новому режиму. Здесь следует вспомнить, что большинство императоров IV в. были военными лидерами, добившимися своих постов своими руками, в том числе — на поле брани. Успехи в воинских кампаниях весьма добавляли веса императорскому престижу и обеспечивали дополнительную поддержку со стороны граждан. Однако в самом достижении этих успехов имела место определенная доля зависимости императора как от высшего офицерского корпуса армии, так и от центурионов и даже рядовых солдат.

Именно эти аспекты бытия позднеантичной монархии выделяет в своей работе *Д. Ли*, анализируя отношения между императорами и вооруженными силами и особенно делая акцент на мерах, которые автократор принимал для обеспечения лояльности легионеров, как рядовых, так и высокопоставленных (р. 100–118). Правда, в констатации этих мер трудно заметить что-то новое: лояльность солдат достигалась разными формами как материального стимулирования, так и нематериального (в частности, ритуальными поощрительными процедурами); амбициозные высокопоставленные чины (прежде всего магистры войск) могли оказаться серьезной угрозой для императора, — здесь, естественно, ярчайшими примерами являются узурпации Магненция и Магна Максима. Конечно, для предотвращения такого рода потенциальных угроз император располагал многими тактическими и стратегическими средствами — от тех же денежных наград, предоставления должности консула и даже статуса сенатора до снятия с должности, изгнания и даже физического уничтожения.

Материалы второго раздела рецензируемого сборника контрастируют с работами первой его части не только тематически, но и высокой вариативностью, граничащей с эклектикой. Содержательный спектр этих статей крайне широк — от разбора уголовного законодательства Константина I как своеобразного построения «социального дискурса» и как вклада в развитие и оправдание монархического строя (*Х. Райтценштейн-Роннинг*), династического принципа как формы легитимации автократоров (*Х. Борм*), сравнения презентаций правления Траяна панегириком Плиния и правления Феодосия панегириком Паката Дрепаниа (*К. Келли*) до трех работ (*М. Хемфрис*, *И. Винанд* и *Х. Леппин*), главными темами которых являются некоторые аспекты позднеантичных гражданских войн, узурпаций и триумфов после такого рода явлений. Так, Хемфрис оригинально сравнивает визиты Константина I, Констанция II и Феодосия I в Рим (р. 151–168). Все эти визиты были связаны с победами указанных императоров в гражданских войнах, и то, что в большинстве случаев римская элита поддерживала узурпаторов, делало подобные посещения столицы Запада крайне существенными политико-ритуальными мероприятиями в демонстрации отношений императоров с ее гражданами.

Материал, презентуемый И. Винандом, частично коррелирует с анализом Хемфриса, так как немецкий исследователь, рассматривая триумфы IV в., совершенные после гражданских войн именно в Риме, приходит, например, к очень важному выводу, что Константин I порвал с республиканской и ранней имперской традицией, согласно которой триумфы могли праздноваться только после побед над внешними врагами (р. 169–197). Дело в том, что в поздней античности победа в гражданской войне демонстрировала уже не мощь римского гражданства, а воинские качества императора, и *victoria civilis* («гражданская победа») трансформировалась в данном случае в феномен триумфального правления.

Ни разу не затрагиваемый в историографии, насколько я знаю, феномен анализирует *Хартмут Леппин* — лечение солдат врага после победы в гражданской войне. Речь идет о трех случаях, демонстрируемых источниками, — об уходе за пострадавшими после победы Констанция над Магненцием, после поражения, нанесенного Валентом Прокопию, и после успеха Феодосия в войне против Магна Максима (р. 198–214). Конечно, во всех трех случаях победители демонстрировали милосердие (*clementia*) по отношению к побежденным. С одной стороны, думаю, исследователь прав в том, что *clementia* и в IV в. сохраняла свой классический античный заряд. Но Леппин видит здесь и влияние христианства, а это — момент спорный, ибо о глубине воздействия религии, к которой государство (и тем более подданные) только-только привыкало, до сих пор существуют диаметрально различные точки зрения. К тому же в условиях больших проблем с практикой рекрутирования в IV в. здесь мог работать обычный прагматизм — императоры, постоянно нуждаясь в солдатах, как правило, рассматривали в то время полное уничтожение армий противника в междоусобной войне как нерациональную растрату воинских ресурсов. Вспомним хотя бы частые сетования

тогдашних историков и ритором на гибель тысяч солдат в подобных конфликтах — особенно при описании войн Констанция с Магненцием.

Статья Леппина в известной мере задает тематический тон работам, размещенным в третьем разделе книги. Старая, многократно разбираемая, но даже приблизительно не исчерпанная самой постановкой конкретных вопросов проблема соотношения и взаимодействия чисто религиозных и идейно-политических феноменов и тенденций развития с изменявшейся ролью императора в конфессиональных делах, конечно же, включает в себя дискуссию о христианизации императорской власти и личном обращении отдельных императоров в христианство, но лишь как один из множества принципиальных сегментов. Рецензируемый сборник демонстрирует как традиционные в этом плане темы, так и новаторские. Здесь и очередной (в историографии) разбор полубожественного статуса императора в «Похвале Константину» Евсевия Кесарийского, и очередная попытка анализа борьбы в трудах отцов церкви поздней античности вокруг понимания особых отношений между императором и Господом (*Х. Дрейк*), и стремление еще раз осмыслить отношения Константина с Римом как городом и, в связи с этим, понять влияние Рима (как христианского, так и языческого) на христианскую имперскую идеологию (*Б. Блекман*), и оригинальный взгляд на религиозную политику Констанция II — в ее векторе на установление универсального вероучения (*Ш. Диффенбах*), и, наконец, оценка специфики насилия в религиозной жизни IV в. — прежде всего со стороны власти (*И. Хан*).

Полагаю, для византинистов особого внимания заслуживает работа *Н. Ленски* «Константин и Тюхе Константинополя» (р. 330–352). Американский специалист берет за исходную позицию анализ изображений известного серебряного медальона (датируемого обычно 330 г.), где на лицевой стороне изображена голова Константина, увенчанная диадемой, а на обратной — восседающая на троне богиня Тюхе (в издании «*Roman Imperial Coinage*» (VII) фигурирует как Constantinople 53). Статья продолжает многолетние дебаты по поводу наличия языческих мотивов в ритуалах, сопровождавших основание Константинополя. Беря такого рода методический старт и используя зачастую источники и свидетельства, обычно отвергаемые другими специалистами, Ленски приходит к единственно логичному выводу, что языческие мировоззренческие мотивы при закладывании новой императорской резиденции были, и что Константин использовал культ Тюхе, но в адаптированной к обстоятельствам форме, соответствующей возможностям эволюции империи в обстановке христианизации. По мнению автора, подобная тактика отражает в целом религиозную политику Константина — император глубоко осознавал границы и глубину своих шагов в религиозной и вообще в идейно-политической сфере как в новой столице, так и в империи, где все еще преобладало язычество.

Схожая по смыслу проблематика содержится и в статье *Р. Лиззи Теста*, посвященной известной контроверзе вокруг алтаря богини Победы, но демонстрирующей новый взгляд на требования римских сенаторов восстановить

алтарь. По мнению исследовательницы, запрос о реставрации алтаря не следует рассматривать как преимущественно «языческую реакцию» со стороны сената, его следует воспринимать в более широком контексте политики по сохранению монументального идейного облика Рима как выражения истории города, его гражданства и побед империи (р. 405–419).

Я полагаю, что повышенное внимание большинства авторов рецензируемого сборника к символике позднеантичной монархии и к многосторонней рефлексии общества в отношении ее к развивающимся историческим явлениям — очень сильная сторона исследования. Если взять в качестве примера такой известнейший феномен, как принятие римским императором диадемы лишь через три с половиной столетия после падения республики (хотя этот символ монархии был знаком римлянам с тех пор, как они узнали об Александре Македонском), то абсолютно верным представляется тезис того же Винанда, что «диадема стала фиксированным символом власти только после того, как политическая система Римской империи подверглась фундаментальным метаморфозам и достаточно дистанцировалась от аристократического клейма на своем происхождении» (р. 448)¹. Мало того, принятие диадемы Константином I в 325 г. как победителем в почти двадцатилетних гражданских войнах и единоличным правителем в рамках империи означало также разрыв с системой тетрархии и презентацию нового качества правителя — не столько поддерживаемого божеством воина, сколько мироустроителя, справедливо и правосудно правящего воссоединенной державой, воплощая при этом сакральные качества своих бывших и нынешних божественных покровителей [ср.: Wienand; Bastien, p. 78–80; Beyeler, S. 115–121; Grünewald, S. 133–162].

Сама эволюция в сторону короны (в том числе — украшаемость розетками и жемчугом, чеканка из золота, убранный драгоценными камнями, а позже — и реликвиями) делала диадему важным сегментом в системе, в рамках которой сама позднеантичная монархия развивалась как сложная социально-политическая целостность довольно долгое время. Видимо, недаром никакого надлежащего ритуала коронации (вплоть до узурпации Юлиана в 360 г.) источники не фиксируют. Винанд полагает, что такого ритуала просто не было, а легитимность конкретного императора осмыслялась, в том числе, мистическим фактом коронования его Викторией, Юпитером или персональным божеством-покровителем (например, Непобедимым Солнцем) (р. 449). Действительно, только через несколько десятилетий, когда превращение Константинополя в имперскую столицу стало неоспоримым, фиксируется и церемония коронации с участием в ней армии, придворных, церкви, горожан [Pfeilschifter, S. 41–75]. Как метко заметил К. Трампедех, коронация императора объединяла все субъекты империи в мистический момент консенсуса [Trampedach, S. 288–289]. Актуальная для конкретного момента форма церемонии коронации эволюционировала вместе

¹ Относительно «фундаментальных метаморфоз» империи в III в. из последних монографий целесообразно отметить работы П. Айха [Eich] и Ю. Б. Циркина [Циркин].

с политической властью и значимостью общественных групп, ее соучастников, и потому могла служить опорой для монарха в тех же конкретных обстоятельствах для принятия определенных решений [Trampedach, S. 277].

В заключение хотелось бы отметить: хорошо, что книга о позднеантичной монархии ограничена во времени — одним столетием — весьма условно. Историзм она обретает не только демонстрацией развития атрибутов и функций домината, но и последовательным компаративным методом исследования этих атрибутов путем обращения в римское прошлое, и не только в эпоху принципата, но и во времена Помпея и Цезаря. Тем самым почти каждый из авторов касается вопроса о специфике рассматриваемого им явления в IV в. Подобный подход весьма выгодно отличает сборник, вышедший под редакцией И. Винанда, от многих западных исследований, посвященных институциональной истории поздней античности.

Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб. : Нестор-История, 2015.

Bastien P. Monnaie et donativa au Bas-Empire. Wetteren : Éd. Numismatique romaine, 1988. (Numismatique romaine. Essais, recherches et documents, XVII).

Beyeler M. Geschenke des Kaisers. Studien zur Chronologie, zu den Empfängern und zu den Gegenständen der kaiserlichen Vergabungen im 4. Jahrhundert n. Chr. Berlin : Akademie Verlag, 2011. (Klio. Beihefte. Neue Folge, Bd. 18).

Eich P. Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit. Die Entstehung einer 'personalen Bürokratie' im langen dritten Jahrhundert. Berlin : Akademie Verlag, 2005. (Klio. Beihefte. Neue Folge, Bd. 9).

Grünwald T. Constantinus Maximus Augustus. Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1990. (Historia Einzelschriften, 64).

Millar F. The Emperor in the Roman World 31 BC — AD 337. Ithaca ; London : Duckworth, 1977.

Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2013. (Millennium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr., Bd. 44).

Trampedach K. Kaiserwechsel und Krönungsritual im Konstantinopel des 5. bis 6. Jahrhunderts // Investitur- und Krönungsrituale. Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich / hrsg. M. Steinicke, S. Weinfurter. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, Verlag, 2005. S. 275–290.

Wienand J. Die Poesie des Bürgerkriegs. Das constantinische *aureum saeculum* in den *carmina* Optatians // Costantino prima e dopo Costantino / ed. G. Bonamente, N. Lenski, R. Lizzi Testa. Bari : Edipuglia, 2013. S. 419–444.

Рецензия поступила в редакцию 24.06.2016 г.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor,
Chair of the History of the Ancient World
and Middle Ages
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: alarich@olympus.ru

MONARCHY OF LATE ROME IN DEVELOPMENT

Review of Wienand, J. (Ed.). (2015). *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. Oxford Studies in Late Antiquity*. Oxford; New York: Oxford University Press

The review opens the conceptual and substantial parties of the collection of articles mainly American and German specialists in antiquity, analyzing features of the form and functioning of a political mode of Roman empire the urgency of subjects selected researchers within the limits of the problem declared by the collection 4th century is specified. Argumentativeness of the decision of the questions, concerning mutual relations of the imperial power of an epoch dominatus with the social, property and political groups which interests should be taken constantly into consideration is underlined. The special attention is turned on collection articles, on new opening religious-political aspects of functioning of a monarchy of 4th century as open form of the military dictatorship pragmatically using for stabilisation of a society as toolkit of paganism, and Christianity.

Key words: late antiquity; imperial power; mode dominatus.

Bastien, P. (1988). Monnaie et donativa au Bas-Empire [Currency and donativa in Bas-Empire]. *Numismatique romaine. Essais, recherches et documents, XVII*. Wetteren: Éd. Numismatique romaine. (In French)

Beyeler, M. (2011). Geschenke des Kaisers. Studien zur Chronologie, zu den Empfängern und zu den Gegenständen der kaiserlichen Vergabungen im 4. Jahrhundert n. Chr. [Gifts of the Emperor. Studies on the Chronology, to the Beneficiaries, and to the Objects of the Imperial Contributions in the 4. Century of Christ]. *Klio. Beihefte. Neue Folge, 18*. Berlin: Akademie Verlag. (In German)

Eich, P. (2005). Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit. Die Entstehung einer 'personalen Bürokratie' im langen dritten Jahrhundert [The Metamorphosis of the Political System in the Roman Imperial Period. The Emergence of a 'Personnel Bureaucracy' in the Long Third Century]. *Klio. Beihefte. Neue Folge, 9*. Berlin: Akademie Verlag. (In German)

Grünewald, T. (1990). Constantinus Maximus Augustus. Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung [Constantinus Maximus Augustus. Rule of Propaganda in the Contemporary Tradition]. *Historia Einzelschriften, 64*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (In German)

Millar, F. (1977). *The Emperor in the Roman World 31 BC – AD 337*. Ithaca; London: Duckworth.

Pfeilschifter, R. (2013). Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole [The Emperor and Constantinople. Communication and Conflict-Discharge in a Late Antique Metropolis]. *Millennium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr., 44*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. (In German)

Trampedach, K. (2005). Kaiserwechsel und Krönungsritual im Konstantinopel des 5. bis 6. Jahrhunderts [Imperial Exchange, and the Coronation Ritual in the Constantinople of the 5th to 6th Century]. In M. Steinicke, & S. Weinfurter (Eds.), *Investitur- und Krönungsrituale. Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich* [Investiture and Coronation Rituals. Rule to be Settling in Cultural Comparison] (pp. 275–290). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. (In German)

Tsirkin, Ju. B. (2015). «Voennaia anarchija» v Rimskoi imperii [«Military Anarchy» in Roman Empire]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russian)

Wienand, J. (2013). Die Poesie des Bürgerkriegs. Das constantinische aureum saeculum in den carmina Optatians [The Poetry of the Civil Wars. The Aureum Saeculum of Constantine in the Carmina Optatians]. In G. Bonamente, N. Lenski, & R. Lizzi Testa (Eds.), *Costantino prima e dopo Costantino* [Constantine before and after Constantine] (pp. 419–444). Bari: Edipuglia. (In German)

Received 24 June 2016